

**ОБРАЗ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОМ ВИЗУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
1930-Х ГГ.**

В данной статье рассматривается формирование дискурса образа «детства» средствами визуальной пропаганды в 30-е гг. XX века в Советском Союзе на примере фотографий и плакатов, а также, какие расхождения с созданным образом имела конкретная социальная политика тех лет по отношению к объектам фотографии. Репрезентация образа «счастливого детства» охарактеризована в измерениях судьбы Э.А.Маркизовой (Э.С.Чешковой).

Одним из широко распространенных и массово тиражированных символов «детства» в 1930-50-е гг. в Советском Союзе был образ бурятской девочки Гели Маркизовой на руках вождя И.Сталина с девизом: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Данный визуальный объект стал настолько излюбленным средствами информации и в массовой культуре, что сопровождал в довоенное и послевоенное время в качестве пропагандистского символа на открытках, плакатах, коробках конфет, в виде скульптур в парках отдыха, санаториях, школах, детских лагерях, на улицах и площадях городов Советского Союза.

Контекст создания данного социального мифа «счастливого детства» советских детей в 30-50-е гг. имеет несколько участников и сторон социального взаимодействия. Во-первых, творцов данного социального мифа: репортера, создавшего данный снимок, агентов советской государственной политики по культивированию образа счастливой девочки. Во-вторых, советских людей, включая детей, которых мы определяем как аудиторию, воспринимающую данный образ. В-третьих, героев снимка - девочки Гели Маркизовой и И.В.Сталина. Противоречие между драматической реальностью и мифологией, в которую оказались вовлечены акторы данного социального взаимодействия, является глубинным, и демонстрирует в первую очередь существенное расхождение между идеей, сопровождавшей снимок и судьбу персонажей. Кроме того, данный снимок породил своего рода и «круги по воде»: социальная политика детства была далека от пропагандистского символа «счастливого детства», в особенности это касалось детей репрессированных советских граждан.

Фотография, сделанная репортерами союзной газетной фотохроники, на встрече делегации трудящихся Бурят-Монголии с руководством партии 27 января 1936г, до сих пор завораживает искренностью героини снимка. Однако эта естественность превратилась в социальный миф и драматическим образом изменила ее судьбу, несмотря на невероятный успех во всей стране (илл 1).

Илл 1. И.В.Сталин и Геля Маркизова. Снимок сделан в Кремле 27 января 1936г.

Рассмотрим историю создания и участников данного визуального канона. В январе 1936 года делегация трудящихся Бурят-Монгольской АССР, в составе которой были руководители республики, в частности нарком земледелия БМАССР А.А.Маркизов, были приглашены в Кремль на встречу с руководством партии. Дочерью наркома, присутствовавшей в составе делегации, была 6-летняя Геля (Энгельсина) Маркизова. Во время одного из выступлений, она подошла к И.В.Сталину и вручила ему цветы со словами: «Эти цветы дарят Вам дети Бурят-Монголии». Фотокорреспонденты, присутствовавшие в Кремле, сняли Сталина с девочкой на руках. Затем в газете «Правда» была опубликована данная фотография с надписью: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!». Впоследствии снимок получил широкое распространение, многотысячными тиражами были созданы репродукции с фотографии в виде открыток, плакатов, скульптурных памятников, и даже рисованные копии на коробках конфет.

Если верить данному канону, судьба девочки может показаться как самой счастливой девочки Советского Союза. Ведь мало кто удостоивался такой чести быть на приеме у вождя, к тому же разрекламированной подобным образом. Действительно, исходя из фотохроники правления И.В.Сталина, обнаруживается очень мало снимков, на которых бы он был запечатлен с детьми. Есть снимки с его собственными детьми, с 11-летней ударницей труда, получившей орден Ленина, Мамлакат Наханговой, с неизвестными детьми на аэродроме в Тушино. Но только на этом снимке выполнено наиболее удачно композиционное решение, хотя хроникер возможно об этом и не задумывается, он регистрирует момент дарения цветов и растроганности вождя. Фотогеничная девочка, искренне радующаяся вождю, стала эталоном, символом. Одновременно она отождествляла всех советских детей, но в то же время в ней видели феномен особенности, избранности, исключительности, можно сказать, что ей завидовали все советские дети. Впечатление от кадра очень сильное, он до сих пор завораживает своей искренностью, как будто и горя нет. Цветы задают свет и праздничность момента. Светящаяся улыбка девочки. Снимок динамичен, излучает настроение счастья. Мы чувствуем движение, спонтанность, радость героини снимка. Несмотря на то, что это черно-белый снимок, он эмоционально выразителен в своем воздействии.

Случай с Г.Маркизовой оказался невероятной пропагандистской удачей для творцов мифа счастливого детства, ее облик вполне соответствовал эстетическому канону: активная, эмоциональная, привлекательная, обаятельная, носящая идеологически выдержанную модную стрижку каре, одетая в матроску - атрибут праздничной детской одежды, в то же время это отголосок униформы – широко распространенной взрослой повседневной одежды 30-х годов.

Через данный визуальный канон происходила легитимация верности вождю, как показатель преданности советских детей И.В.Сталину, а со стороны партии и государства как проявление популизма и демонстрация заботы о детях. Важным семантическим символом в снимке выступает роль Сталина как отца, который замещает роль реальных отцов. Объятия, в которые он заключил ребенка, задают ощущение защищенности, опеки, покровительства. Снимок становится транслятором ценности вождя и его заботы о детях. Показушная приветливость, лакированность ко всем эпитетам и образам вождя успешно дополняется образом любимца детей. Вождь и девочка архетипически выражают связь поколений, гармонию, всеобщее благо, полноту бытия, комфорт, уют.

Фраза «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство» используется во всех визуальных продуктах эпохи, в качестве транспарантов на демонстрациях и парадах. Окончательное утверждение в политическом лексиконе происходит через

газету «Правда» 23 сентября 1937г., в которой была опубликована статья «Счастливые Дети сталинской эпохи».

Свидетельством массового тиражирования этого лозунга являются красочные плакаты, на которых были изображены И.Сталин и дети. Как правило, на плакатах, фигура Сталина является главной. На него с обожанием смотрят и взрослые, и дети. На всех плакатах много солнца, света, цветов, улыбок. Преобладают яркие чистые краски: голубая, красная, золотая. Сталинские руки — это самое безопасное место. Сами дети на плакатах необыкновенно красивы (илл.2). Клише «счастливые дети» прочно входит в политический язык и на уровне подсознания автоматически закрепляется в сознании многих поколений. В частности, в воспоминаниях В.К. Буковского данная фраза употребляется как синоним «потерянного рая»: «Для нас для всех Сталин был больше чем Богом, он был реальностью, в которой нельзя сомневаться, он думал за нас, он нас спасал, создавал нам счастливое детство» [1, 64].

Илл.2 Плакат «Спасибо родному Сталину на счастливое детство!»

По высказыванию А.Усмановой, речевая культура доминирует над визуальной и даже искажает ее смысл: «Логос контролирует изображение, присваивает ему смысл, находит и закрепляет за ним референта, навязывая тем самым изображению свою истину» [2, 154]. Абсолютный характер данного идеологического мифа связан в первую очередь, с тем, что формирование публичной вербальной культуры происходило, главным образом через печать, в особенности через передовицы газеты «Правда», а также радио, кинематограф как самое массовое из искусств, которые создавали вторую реальность со своим стилем, штампами, социальными стереотипами.

Действительность крайне расходится с созданным мифом. Отец Гели – Ардан Ангалькович Маркизов, а позднее ее мать были арестованы и расстреляны по обвинению в шпионаже в пользу Японии и в покушении на Сталина в 1937г. Поскольку девочке было всего 7 лет, она воспитывалась в детском доме в Казахстане как дочь репрессированных, тем самым явно не вписываясь в пропагандистский лозунг «счастливого детства».

Трансформация снимка произошла в переименовании ее персонажа (после ареста родителей девочки снимок обозначили как «Сталин и Мамлакат»), а также в фальсификации и ретушировании фотографии. Первоначально на снимке, присутствовал наряду со И.Сталиным и Г.Маркизовой, первый секретарь обкома ВКП(б) БМАССР М.Н.Ербанов, руководитель делегации, репрессированный в 1937г. в числе многих политических и духовных лидеров Бурят-Монголии, к которым относились и родители Гели (илл.3). После 1937г. снимок был тщательно отретуширован и фигура М.Н.Ербанова стерта. Также на первом снимке мы обнаруживаем, что Геля была в валенках, которые были отретушированы на поздних копиях. Таким образом, фотография потеряла свои функции реалистичности, она запечатлела мгновенное состояние, исторический момент, но утратила идентичность, превратилась в живопись, стала рафинированным лубком, лакированной иллюстрацией. Были оставлены идеологически выгодные элементы, совершенно стерт М.Ербанов, исключены неудобные валенки (у вождя на руках не должен быть ребенок в валенках), и даже изменен наряд впоследствии у девочки (вместо матроски девочке нарисовали белое нарядное платье), окончательно став плакатной картинкой.

Илл.3 Первоначальный вариант снимка, опубликованного в газете «Правда» 28.01.1937г.

Драматически сложилась и судьба талантливого скульптура Г.Д.Лаврова, который слепил почти пятиметровую скульптуру «Спасибо тов. Сталину за наше счастливое детство!», установленную в московском метрополитене в 1944г. Копии этой скульптурной композиции были размножены по всей стране (илл.4). Художник начал работать над скульптурой практически по следам событий в 1936 г., однако в сентябре 1938г был арестован.

Илл.4. Копия скульптуры «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Г.Д.Лаврова в музее г. Иркутска.

С визуальным каноном девочки на руках связано вскрытие еще одного пласта памяти – детскими воспоминаниями белорусского режиссера А.Алая, который снял документальный фильм «Сталин и Геля» в 2004г. Масштабный плакат с изображением Гели висел в школе, в которой он учился. В образ Гели, он был влюблен в детстве, ее черные глаза по признанию режиссера, настолько завораживали, что на Сталина он не обращал никакого внимания. Он представлял, как она живет, мечтал с ней познакомиться. Эта встреча произошла через 60 лет. Трансформировав свой персональный детский опыт, режиссер, нашел героиню и снял о ней фильм, поднимает проблему шире о сталинской России. Творчество режиссера и выбор профессии визуального искусства, возможно, были определены его детской наблюдательностью, спустя годы он возвращается к своему детскому восприятию образа девочки и осуществляет вторичную визуализацию, тем самым, разрушая миф.

Анализируя, судьбу героини снимка, с социальной точки зрения, можно сказать, что это один из примеров выживания, формирования сильной личности в условиях тоталитаризма. Девочка изначально принадлежит к политической элите, ее родители находятся на высокой статусной позиции. После 1937 г. она оказывается выпавшей из социальной лестницы, смена фамилии и отчества является реакцией на подавление и раннее исключение из общества (Энгельсина сменила отчество Ардановна на Сергеевна и фамилию Маркизова на Дарбеева по имени своего дяди, у которого она воспитывалась после детдома). Но затем она ресоциализируется, возвращается на высокий социальный ранг, удачно вышла замуж, родила двоих детей, стала доктором исторических наук в 1980-е гг. Несмотря на трагизм судьбы в детский и отроческий

период, тем не менее, жизнь ее сложилась с социальной точки зрения удачно, она стала доктором востоковедения в системе РАН, раннее исключение не повлияло негативным образом на успешную ресоциализацию.

Описанный случай визуализации детства советской государственной политикой иллюстрирует функционирование власти как паноптическое явление, «око власти» в терминологии французского философа М.Фуко. Паноптический режим обозначал «проникновение правил даже в мельчайшие детали повседневной жизни посредством совершенной иерархии, обеспечивающей капиллярное функционирование власти» [3, 288]. Социальный контроль в сфере детства, выраженный визуальными средствами, представлял такой тип властвования, который выявлял не только то, что делали люди, но и то, что они хотели или могли бы сделать. Паноптизм советской власти в случае Г.Маркизовой проявился, на наш взгляд, в подробном визуальном сопровождении и культивировании объекта съемки, конструировании детской телесности путем фотохроники, кинохроники, скульптурного и живописного искусства, обозначая, таким образом, взор, зримость власти.

Политический дискурс и визуальный контекст, возникший в идеологической риторике печатных изданий второй половины 1930-х гг., определен основной диспозицией: «власть-народ». Причем, в отношении народа дискурс советских печатных изданий выступает как культивирование любви советских граждан к вождю, как демонстрация преклонения перед ним, выражение социального устройства нового общества, в котором дети окружены заботой.

По выражению Романова П.: «Политический режим, в том числе, и посредством визуального дискурса власти, делал все возможное, чтобы впечатать в сердца и умы людей образы мужчины-работника, великих вождей коммунизма, колхозниц, капиталистов, детей, хорошо организованных на учебу, работу...визуальная пропаганда приняла более предписательный характер, предоставляя модели внешнего вида, манер и поведения новых социальных типов – как положительных, так и негативных» [4, 155]. В анализируемом визуальном дискурсе произошла сакрализация образа девочки в качестве советской модели детства. Проектировщиками данного события намеренно формируется политическая риторика заботы о детях со стороны советского государства.

Итак, при помощи мощной идеологической машины советских СМИ, визуального ряда, отраженного в фотографиях газет, скульптур, живописи, плакатного искусства, 6-летняя девочка Г.Маркизова, стала своего рода политической рекламой достижений социализма в области опеки и социального контроля детства. Визуальный и политический фетиш «счастливого детства» выполнял педагогическую функцию, был адресован, главным образом для несовершеннолетних детей, наиболее восприимчивых к конструированию новой идеологии. Эстетический канон, разработанный в советском фотоискусстве 1930-х гг., имел очень широкое воздействие на зрителей и не случайно вызывал даже зависть у зарубежных коллег: «Эти парни – гении рекламы», утверждал американский журналист Юджин Лайонз [5, 256].

Сконструированный, отретушированный, откорректированный образ девочки на руках Сталина, а шире – генерация образа детства в сталинские годы являлись объектом ценностных ориентаций советского общества по отношению к детям, которые принадлежали коллективному сознанию советских людей, сформированным тогдашними средствами массовой информации и искусством. Через индивидуальный опыт визуализации акторов описанного социального взаимодействия обнаруживается история поколения, прошедшего репрессии сталинской эпохи. Культурный феномен, возникший в пропаганде 1930-х гг., безусловно, никак не отражал реалии жизни советских детей и героини описанного сюжета, но определяет некую территорию, в

которой дети должны были быть такими, какими их видит власть, благодарными и послушными.

Примечания:

1. Буковский В.К. «И возвращается ветер...»: Письма русского путешественника. – М., 1990.
2. Усманова А. Визуальный поворот и гендерная история. // Гендерные исследования. 2000. № 4. С.149—176.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М, 1999.4. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Ярской-Смирновой, П.Романова, В.Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С.146-168.
5. Цит. по Коркин С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте. Пер. с англ. // Мишель Фуко и Россия. М.; СПб.: Летний сад, 2001. С.239-316.